

5. Гак, В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов / В. Г. Гак // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – С. 260–265.
6. Телия, В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры / В. Н. Телия // Фразеология в контексте культуры. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – С. 13–24.
7. Телия, В. Н. О методологических основаниях лингвокультурологии / В. Н. Телия // Логика, методология, философия науки: тез. докл. – М. : Обнинск, 1995. – С. 102–104.
8. Ковшова, М. Л. Фразеологические коды и их роль в семиозисе культуры / М. Л. Ковшова // Лингвистика и семиотика культурных трансферов: Методы, принципы, технологии. – М : Культурная революция. – 2016. – С. 468–498.
9. Доу, Ч. Фразеология и ее классификация в русской и китайской филологии / Ч. Доу // Вестн. Орлов. гос. уни-та. – 2015. – № 5 (46). – С. 284–287.
10. Академический словарь русской фразеологии / под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : ЛЕКСРУС, 2015. – 1168 с.
11. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер – М. : Прогресс, 1986. – Т. 2. – 672 с.
12. Мокиенко, В. М. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / В. М. Мокиенко. – 2-е изд., стереотип. – СПб. : Изд-во СПбГУ ; Фолио-пресс, 2001. – 704 с.
13. Лебедева, Л. А. Устойчивые сравнения русского языка / Л. А. Лебедева // Краткий тематический словарь. – Краснодар, 2003. – 300 с.
14. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 05.09.2016.
15. Филимонова, Е. Н. Символика животных в переводных произведениях. «Священные» животные: На материале переводов с корейского и китайского языков / Е. Н. Филимонова // Язык, сознание, коммуникация. – М. : МАКС Пресс, 2004. – Вып. 26. – С. 51–82.

А. И. Куляпин (Барнаул, Россия)

«РУССКОЕ» И «СОВЕТСКОЕ» В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГЕОГРАФИИ В. М. ШУКШИНА

Со школьных времен у будущего писателя сформировался устойчивый интерес к географии, ставшей одним из его любимых учебных предметов. Впоследствии биография Шукшина – режиссера и актера – будет связана уже не с виртуальными, а с настоящими путешествиями по многим городам Советского Союза и Европы.

Хотя в своих произведениях Шукшин чаще всего использует подлинные топонимы, его географическая топоника далека от реальной.

Поэтика раннего Шукшина ориентирована на соцреалистический канон, что определило сильную степень идеологизации его рассказов начала шестидесятых годов. В них предстает специфически советская картина мира, единое гомогенное советское пространство. Даже если действие рассказа разворачивается в далекой сибирской деревушке, в тексте незримо присутствует образ всей советской страны – «весь СССР». Так, в частности, организовано художественное пространство рассказа «Светлые души» (1961), в котором Михайло Беспалов объясняет жене насущную потребность в рекордных урожаях пшеницы: *Весь СССР прокормить – это... одна шестая часть* [1, с. 74].

Формула «СССР – одна шестая часть земли» своей популярностью во многом обязана стихотворению С. Есенина «Русь советская» (1924).

*Но и тогда,
Когда во всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, –
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь»* [2, с. 24].

«Русь советская» – очевидный оксюморон. Есенин парадоксально соединяет древность с современностью, национальное с интернациональным, русское с советским. Нечто подобное можно будет обнаружить и в творчестве Шукшина, но пока, в рассказе «Светлые души» писатель создает образ однородно советского пространства.

Впрочем, спустя всего несколько лет Шукшин уже иронизирует по поводу стереотипов официальной литературы, оказавших столь заметное влияние на его первые произведения.

Герой рассказа «Непротивленец Макар Жеребцов» (1969) подобно Михайле Беспалову из «Светлых душ» мыслит масштабами всей советской страны:

Макар подходил к пряслу, вешал свою сумку на кольшеч, закуривал.

– Сколько у нас, в СССР, народу?

Старуха не знала.

– Дьявол их знает, сколько? Много небось.

– Много. – Макар тоже точно не знал, сколько. – И всем надо выдать пенсию... [3, с. 28].

Для Макара Жеребцова, как и Михайло Беспалова, СССР – некая абстракция: «много» и «одна шестая часть» в данном случае инвариантные понятия. Разница в том, что беспокойство Макара за всех жителей страны притворное. Абсурдна его реплика о необходимости выдать пенсию «всем», ведь получается, что каждый гражданин СССР – пенсионер, каждый находится на иждивении у государства. При этом показушная забота обо всех – это повод не заботиться о каждом.

В написанной в 1966–67 гг., но опубликованной лишь в последний год жизни писателя повести-сказке «Точка зрения» пародируется знаменитая строчка из «Авиамарша» Ю. Хайта и П. Германа: *Мы рождены, чтоб сказку сделать былью*. Жест для тех времен достаточно смелый. В одной из сцен повести «некто хромой и бойкий» рассказывает Пессимисту про «волшебный мир»:

– *Кстати, что это за волшебный мир? Что вы там делаете?* – поинтересовался Пессимист.

– *Мы хотим жизнь превратить в сказку!*

– *Да?*

– *Да!*

– *Хотел бы я знать, как вы это болото превратите в сказку. Бульдозерами, что ли? Засынете?*

– *Это не ваше собачье дело! – почему-то вдруг обозлился Некто* [4, с. 286].

Сходство между «волшебным миром» повести и «страной чудес» (как частенько называли СССР) не только в самом стремлении превратить жизнь в сказку, но и в средствах достижения цели, а самое главное, в специфичности этой сказки. *Видите ли, в той сказке, которую мы хотим создать, предполагаются... как бы это выразиться... представители темных сил, что ли,* – разъясняет Некто. Довершает картину признание «хромого и бойкого»: *В нашем волшебном мире <...> много пьют* [Там же, с. 286].

Подобно многим современникам, к неприятию советского строя Шукшин придет после разоблачения сталинского культа личности на XX съезде КПСС. До 1956 года он склонен не замечать противоречий между русским и советским. Будучи членом бюро ВЛКСМ постановочного факультета ВГИКа, Шукшин активно участвовал в борьбе с увлечениями западной культурой. В письме к И. П. Попову (ориентировочно датируется 1955 г.) Шукшин сетует: *Попробовал развернуть кампанию против стиляг – в райкоме получил благодарность, в институте врагов*. Поразительно, но, включившись в комсомольскую антизападническую агиткампанию 1954–1955 гг., Шукшин отстаивает культуру даже не России, а Руси. В незаконченной статье «Мода...» (1969) он вспоминал то время: *Я, например, так увлекся этой борьбой, так меня раззадорили эти “узкобрючки”, что, утратив еще и чувство юмора, всерьез стал носить... сапоги. Я рассуждал так: они копируют Запад, я “вернусь” назад, в Русь* [5, с. 42].

В 1970 г. Шукшин делает в рабочей тетради запись, в которой со всей откровенностью выразил свою боль за судьбу страны: *Разлад на Руси, большой разлад. Сердцем чую* [6, с. 316]. Именуя Советский Союз Русью, писатель перебрасывает мостик из древней истории в современность.

Вообще Шукшин склонен к циклизации исторических событий. Студент-заочник Николай из раннего рассказа Шукшина «Экзамен» (1962) воспроизводит в ответе шаблоны «дурацкого», по определению профессора Григорьева, предисловия к «Слову о полку Игореве»: *...Князья были разобщены, и... В общем Русь была разобщена, и когда половцы напали на Русь...* [7, с. 90]. С оценкой профессора нельзя не согласиться, что не отменяет правоты неведомого автора предисловия. Более того, к середине XX века разобщенность в русском обществе стала еще глубже.

Необычность хронотопической модели Шукшина заключается в том, что при максимальном ослаблении горизонтальных связей связи вертикальные в ней очень прочны. В советском социуме начала шестидесятых люди разъединены, но зато они с легкостью отождествляют себя с обитателями Киевской Руси. Профессору Григорьеву на берегу Днепра кажется, что он «там ходил когда-то. Давно. Во времена Игоря» [7, с. 93], а студент-заочник настойчиво отождествляется и с автором «Слова...», и самим князем Игорем.

Хрущевская «оттепель» стала катализатором процесса утраты советской идентичности и стимулировала поиски какой-то иной ее формы. Шукшинская «Русь» – это как раз попытка конструирования идентичности нового типа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Шукшин, В. М.* Светлые души / В. М. Шукшин // Собр. соч. : в 9 т. – Барнаул : Издат. дом «Барнаул», 2014. – Т. 1. – С. 71–76.
2. *Есенин, С. А.* Русь советская / С. А. Есенин // Собр. соч. : в 5 т. – М. : Худож. лит., 1967. – Т. 3. – С. 21–24.
3. *Шукшин, В. М.* Непротивленец Макар Жеребцов / В. М. Шукшин // Собр. соч. : в 9 т. – Барнаул : Издат. дом «Барнаул», 2014. – Т. 5 – С. 28–33.
4. *Шукшин, В. М.* Точка зрения / В. М. Шукшин // Собр. соч. : в 9 т. – Барнаул : Издат. дом «Барнаул», 2014. – Т. 3. – С. 262–298.
5. *Шукшин, В. М.* Мода... / В. М. Шукшин // Собр. соч. : в 9 т. – Барнаул : Издат. дом «Барнаул», 2014. – Т. 9. – С. 41–42.
6. *Шукшин, В. М.* Рабочие записи / В. М. Шукшин // Собр. соч. : в 9 т. – Барнаул : Издат. дом «Барнаул», 2014. – Т. 8. – С. 310–328.
7. *Шукшин, В. М.* Экзамен / В. М. Шукшин // Собр. соч. : в 9 т. – Барнаул : Издат. дом «Барнаул», 2014. – Т. 1. – С. 89–95.

Л. М. Лещева (Минск, Беларусь)

ФРАЗЕОЛОГИЗМ КАК ЕДИНИЦА ЯЗЫКА, ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ЗНАНИЙ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Анализ публикаций и конференций за последние два десятилетия свидетельствуют о «фразеологическом буме» в современной лингвистике. В сообщении предпринята попытка, с одной стороны, выяснить причины резко возросшего интереса к фразеологии, с другой – в какой-то мере восполнить имеющийся пробел в установлении особенностей научных подходов к изучению фразеологических единиц в современных лингвистических парадигмах.

Фразеологизмы – структурно сложные и противоречивые единицы: функционально они могут быть эквивалентны словам, но не являются ими; включают в себя обычно нейтральные слова, но сами, как правило, стилис-